

Саиф Абдулла Саиф Абдулла

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА: КОГНИТИВНЫЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

В статье рассматривается вопрос о роли метафоры в современном политическом дискурсе: эксплицируются и описываются когнитивные механизмы, прагматическая специфика и персуазивный потенциал политической метафоры. Автор приходит к выводу, что метафорические модели политической коммуникации являются не только концептуальными шаблонами для порождения новых смыслов, объективирующихся в языке и речи, но и активно используются продуцентами политического дискурса в качестве инструмента воздействия на аудиторию.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/10-3/40.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40): в 3-х ч. Ч. III. С. 164-169. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/10-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

SPECIFICS OF TRAVEL ESSAYS IN A. ALAEV'S PUBLICISTICS

Sabirova Venera Kubatovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Chotikeeva Kanyshai Sharipovna
Osh State University, Republic of Kyrgyzstan
sabirova_venera@mail.ru; medina@mail.ru

Publicistics of A. Alaev, ethnical Kyrgyz, emigrant of the modern period, residing in the Canadian city of Vancouver, in most cases presents itself a genre of travel essays or sketches. The article provides an analysis of the meaningful and formal aspects of a genre of travel essays the essence of which is a presentation of personal impressions of the author and his lyrical digressions from the basic line of the story.

Key words and phrases: publicistic nature; artistic creation; émigré literature; ethnic identity; genre of travel essays.

УДК 81-139*32.019.51

Филологические науки

В статье рассматривается вопрос о роли метафоры в современном политическом дискурсе: эксплицируются и описываются когнитивные механизмы, прагматическая специфика и персуазивный потенциал политической метафоры. Автор приходит к выводу, что метафорические модели политической коммуникации являются не только концептуальными шаблонами для порождения новых смыслов, объективирующихся в языке и речи, но и активно используются продуцентами политического дискурса в качестве инструмента воздействия на аудиторию.

Ключевые слова и фразы: политический дискурс; концептуальная метафора; метафорика политического дискурса; прагматика политического дискурса; речевое воздействие; метафорические модели политической коммуникации.

Саиф Абдулла Саиф Абдулла

Пятигорский государственный лингвистический университет
abdulla_saiff@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА: КОГНИТИВНЫЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ[©]

После выхода в свет в 1980 году знаковой для целого ряда гуманитарных дисциплин работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона [7; 32] исследования метафоризации как когнитивного процесса принимают все более глобальный характер. В лингвистическую практику вошли термины «метафорическая проекция» или «когнитивное отображение», которые отражают взаимодействие двух структур знаний – когнитивной структуры «источника» и когнитивной структуры «цели» [7, с. 9].

В последние годы большое внимание уделяется исследованиям концептуальных метафор различных дискурсов, универсальных и культурно-специфических особенностей метафоризации, что обуславливает актуальность обращения к проблеме изучения метафоры непосредственно политического дискурса. Кроме того, когнитивные исследования политического дискурса, которые проводятся на пересечении политической лингвистики и теории концептуальной метафоры с использованием корпусных технологий, могут по праву считаться одним из перспективных направлений в современной когнитивистике [3, с. 99].

Политическая коммуникация является «источником жизненной силы, который питает политику, поскольку коммуникативное взаимодействие – это ключевой вид деятельности, связывающий различные общественные группы и позволяющий им функционировать как единое целое» [24, р. 305]. В качестве наиболее значимого компонента политического дискурса выступает метафора, символичность и риторическая мощь которой, по мнению М. Эдельмана, позволяют политику «пробуждать скрытые тенденции и импульсы в общественных массах» [21, р. 67].

Тем не менее в своем эссе «Политика и английский язык» («Politics and the English Language») известный британский писатель и публицист Дж. Оруэлл оценивает политические тексты как «плохие» тексты [38, р. 135], критикуя избыточность в политическом дискурсе стершихся, «мертвых» метафор, клише, идиом и шаблонных сравнений. По мнению Дж. Оруэлла, такое стилистическое оформление политических текстов производит определенный прагматический эффект. С одной стороны, адресат избавляется от необходимости осмысливать потребленную информацию, а с другой стороны – адресант (или автор текста) получает возможность максимально расплывчато и двусмысленно, используя общие фразы и стершиеся клише, донести необходимую информацию до аудитории, оставляя себе пути для «риторического» отступления в случае изменения ситуативного или социального контекста разворачивающегося дискурса. Кроме того, Дж. Оруэлл был убежден, из-за такого подхода к взаимодействию с общественной аудиторией в социально-политической сфере серьезно страдает этический аспект, так как подобная стилистика и метафорика политической коммуникации не только коррумпирует самого политика, но и вводит в заблуждение его аудиторию [Ibidem, р. 134].

Реалии сегодняшнего дня и многоаспектные исследования политического дискурса, не прекращающиеся с середины XX века (роль первопроходца в изучении языка политики приписывается американскому лингвисту Гарольду Лассвеллу [33]), указывают на то, что развитие политической риторики (как и большинства дискурсов) движется в сторону интеллектуализации. Это, в свою очередь, способствует развитию креативного и оригинального подхода к выражению политических взглядов и отражению и анализу значимых политических событий как в речах политиков, так и в политическом медиа-дискурсе. Однако кардинальное обновление содержания и формы коммуникативной деятельности в политическом интердискурсе, стремление говорящих политических субъектов (термин И. М. Кобозевой [5]) к индивидуальному («фирменному») стилю, экспрессивность, а также яркость политических речей и аналитических статей политической тематики, «граничащая с карнавальностью», риторическая раскрепощенность, «граничащая с вседозволенностью и политическим хамством» [16], демонстрируют появление новых, более тонких и изощренных, вербальных способов влияния на мнение аудитории (вплоть до различных, порой довольно циничных, провокаций и манипуляций), наиболее эффективные из которых основаны на концептуальной метафоре.

Таким образом, прагматика политического дискурса определяется его функциональной природой, которая выражается посредством интеграции в дискурсивный континуум эстетической, когнитивной и актуальной для текущего момента информации [4]. Именно поэтому для данной разновидности коммуникации характерным является активное привлечение различных риторических стратегий на грамматическом, лексическом и стилистическом уровнях (союзы и слова-связки, местоимения, артикли, порядок слов, повторы, метонимия, метафора, антономазия, топонимика, аллюзии на литературные произведения или иные прецедентные феномены). Перечисленные выше языковые средства позволяют продуцентам дискурса не только осуществлять коммуникативное взаимодействие с реципиентами в соответствии с поставленными целями, но и эффективно воздействовать на аудиторию, в определенной степени манипулируя общественным мнением. В связи с этим в газетно-публицистическом и политическом дискурсе наблюдается высокая частотность метафор, так как «метафора превратилась в одно из наиболее сильных средств представления политических концепций и воздействия на политическое сознание общества» [14, с. 122].

Сферой функционального влияния метафор в языке и речи является лексико-семантический уровень репрезентации. В свою очередь, в «сферу ответственности» лексической семантики в политическом дискурсе «входит широкий круг задач – от установления той концептуальной категории, под которую говорящий политический субъект подводит ситуацию, послужившую стимулом коммуникативного акта, до объяснения мотивов конкретных лексических выборов, которые были сделаны в ходе вербализации коммуникативного замысла» [5, с. 42]. Кроме того, если говорить о содержательных аспектах лексического состава политического дискурса, формирующего его метафорику, то для анализа данного феномена необходимо учитывать такие ракурсы его семантической репрезентации, как: (1) узуальное лексическое значение слова, отражаемое в его словарном толковании; (2) актуальное значение слова в конкретном вербальном контексте, которое при прямом его употреблении является стандартной вербальной модификацией узуального лексического значения, а при переносном – связано с узуальным значением более сложным образом; (3) внутренняя форма слова (при переносном употреблении совпадает с его прямым номинативным значением);

(4) сочетаемостные ограничения по валентностям слова (сфера действия); (5) коннотации; (6) лексические значения других слов, ассоциируемых с данным по форме (значения других ЛСВ того же многозначного слова, его синонимов и паронимов); (7) фонетическое значение слова; (8) экстралингвистическая «проекция» слова (связанные с ним схемы, фреймы, сценарии и т.п.); (9) социальная «проекция» слова (его гендерная, классовая, групповая, профессиональная и т.п. маркированность); (10) идеологическая проекция слова.

Как небезосновательно полагает И. М. Кобозева, все перечисленные аспекты «могут быть так или иначе задействованы с целью подачи денотируемой ситуации в устраивающей говорящего политического субъекта интерпретации и создания нужного ему эмоционального фона (тональности)» [Там же]. В связи с этим необходимо подчеркнуть релевантность именно «живых» метафор в политическом дискурсе, поскольку выбор продуцентом косвенного способа обозначения денотата в пользу прямого и намеренное нарушение семантической сочетаемости и согласования не только прибавляет своеобразия политической коммуникации, но и свидетельствует о наличии у участников взаимодействия определенных коммуникативных мотивов и намерений, реализующихся на практике именно через использование окказиональных, контекстных «живых» (а не узуальных, лексикализованных, мертвых) метафор, обладающих высоким риторическим потенциалом и персуазивным эффектом.

Однако принцип композициональности, релевантный для системы языка, позволяет генерировать новые, более сложные смыслы (в том числе и в политическом дискурсе), комбинируя различные единицы языка (это могут быть и так называемые узуальные, лексикализованные метафоры), помещая их в семантически «неожиданные» контексты. Такая же стабильность в сочетании с вариативностью характерна и для концептуального уровня, обуславливающего метафоричность и, следовательно, прагматическую эффективность языка политики. Прагматическое воздействие политической метафоры обусловлено и управляется механизмами, состоящими из стабильного и ограниченного набора когнитивных моделей и схем (концептуальных метафор), которые могут интегрироваться (причем это может быть не только бинарная, но и множественная концептуальная интеграция), тем самым обеспечивая концептуальную основу бесконечно вариативных метафорических репрезентаций, вербализующихся в современном политическом дискурсе.

Применение теории концептуальной метафоры к языку политики началось со статьи Дж. Лакоффа о системе метафор, использовавшихся американскими властями в 1991 г. для обоснования неизбежности военного вторжения в Ирак [31]. Эта работа стимулировала дальнейшее изучение метафор в политике, активно развивающееся

и в наши дни. Как отмечает Дж. Лакофф, «так как метафорические выражения в языке системно соотношены с метафорическими концептами, мы можем использовать метафорические выражения для изучения природы метафорических концептов и для понимания метафорической природы человеческой деятельности» [7, с. 28].

Для политической метафоры характерно наличие мощного классифицирующего образа, его обобщенность до степени символа, наличие глубокого информационного пласта задействованной культуры и исторической подоплеки, а также его политической мотивированности и антропометрической аксиологичности [6]. В условиях, когда публичное слово приобретает повышенную значимость, метафора оказывается для политика инструментом, позволяющим тонко регулировать настроения в обществе. Анализ используемых политиками метафор, следовательно, дает возможность выявить его скрытые установки и цели: как замечает А. Н. Баранов, перифразируя известную поговорку, «скажи мне, какие метафоры ты используешь, и я скажу тебе, кто ты» [2, с. 190].

Исследования функциональной метафоры политического дискурса сосредоточены главным образом на выявлении концептуальных метафор, используемых теми или иными политическими силами, и анализе взаимосвязей между характером этих метафор, с одной стороны, и тем политическим курсом, который проводят или к которому призывают соответствующие политики – с другой. Изучаются выступления политических деятелей, документы общественно-политических партий и движений, публикации в средствах массовой информации и пр., а также язык круглых столов, теледебатов, предвыборных выступлений кандидатов и агитационной литературы – в том числе и с точки зрения задействованных в них метафор (см. Johnson, 1993; Lakoff, 1990, 1993; Abadi & Sacerdoti, 2001; Wei, 2001; Musolf, 2000, 2001, 2004, 2006; Fetzer & Lauerbach, 2007; Cienki, 2008; Semino, 2008; Ahrens, 2009; Lim, 2009; Tendahl, 2009; Silaški, Durovic, 2009; Добренко, 1993; Клемперер, 1998; Баранов, 1999, 2004, 2014; Кобозева, 2001, 2010; Чудинов, 2001, 2012; Шмелева, 2001; Будаев, 2006, 2008, 2010; Будаев, Чудинов, 2007; Такумбетова, 2010, 2012; Храброва, 2010; Уртаева, 2011; Галинская, 2012; Зелянская, 2013).

В последние десятилетия широко обсуждается и весь комплекс вопросов, связанных с речевым воздействием. В частности, наблюдается возрождение риторики и актуализация изначальной связи метафоры с политикой через область политической аргументации (см. Lewis, 1988; De Landtsheer, 1991; Mio, 1996, 1997; Johnson & Johnson, 2000; Ricento, 2000; van Dijk, 2001; Faircough, 2003; Charteris-Black, 2005; Müller, 2005; Fadda, 2006; Wodak, 2009; Arcimavičienė, 2010; Musolf, 2012; Новичкова, 1987; Калачинский, 1989; Баранов, Казакевич, 1991; Белова, 1995; Купина, 1995; Ивин, 1997; Иссерс, 1999; Задорин, Бурова, Сюткина, 1999; Шейгал, 1998, 2000, 2004; Янко, 2001; Иванова, 2003; Каслова, 2003; Котов, 2003; Гриценко, 2005; Коптёлова, 2005; Правикова, 2005; Пескова, 2006; Макарова, 2008; Шарафутдинова, 2008; Андреев, 2011; Моргун, 2011; Спицына, Медведева, 2012; Черкасова, 2012; Семьнина, 2013; Полатовская, 2013).

Наиболее продуктивным направлением исследования политических метафор в русле когнитивной лингвистики является метафорическое моделирование и метафорическая концептуальная интеграция, т.е. представление метафорических моделей различной степени сложности, типичных для данного дискурса, которые образуют метафорику данного дискурса и относятся к «дискурсивным практикам» [1].

Базы данных политических метафор постоянно пополняются. Зарубежные и отечественные исследователи политической метафоры отмечают, что существует зависимость между частотностью метафор, их семантическими параметрами и системными связями с общественными кризисами, поворотными, значительными моментами общественно-политической жизни и политической позицией, которую занимают участники дискурса [20; 42]. Например, отмечается, что дискурс экстремистских группировок отличается повышенной концентрацией метафор, причем правые радикалы предпочитают метафоры, связанные с болезнями, лечением и очищением [43, р. 69]; в расистском и тоталитарном дискурсах преобладают военные метафоры [2, с. 15-16; 19; 25; 26; 28; 29; 37; 44; 45], а в политическом дискурсе в период демократии и экономической стабильности преобладают метафоры, связанные с домом, семьей, природой [2; 3; 11; 16; 35].

В частности, как указывает в своей работе А. Мусолфф, в политическом дискурсе Евросоюза, актуализирующемся как в речах политиков, так и в СМИ, доминируют концептуальные схемы домена *LOVE – MARRIAGE – FAMILY*, обеспечивающие метафорическую репрезентацию отношений между странами-членами Евросоюза в языке прессы [35, р. 24]:

An adviser to Chirac says the Franco-German marriage remains fundamental to French European policy; many Germans agree. So long as they stick to the marriage metaphor, this makes Tony Blair either lover or mistress [17] / Советник Ширака полагает, что союз Франции и Германии составляет фундамент европейской политики; большинство немцев поддерживает такую точку зрения. До тех пор пока эти два государства будут взаимодействовать в пределах «супружеской» метафоры, Тони Блэру придется довольствоваться разве что ролью любовницы, или содержанки.

Феномену современной российской политической метафоры посвящено обстоятельное исследование А. П. Чудинова, также реализующее когнитивный подход к описанию предмета и охватывающее следующее десятилетие новейшей истории России: 1991-2000 гг. Богатство иллюстративного материала и его структурированность позволяют рассматривать эту книгу как своеобразную типологию метафорических моделей, структурирующих коммуникативное пространство политического дискурса. В качестве базовых типов концептуальных метафор разработанной им классификации выделяются антропоморфная, природоморфная, социоморфная и артефактная метафоры, к которым относятся более конкретизированные разновидности метафорических моделей [16].

Большинство исследований тем не менее посвящено более узким срезам политического дискурса либо конкретным типам метафор, концептуализирующим различные политические концепции и события. Как правило, подобные исследования носят контрастивный, сопоставительный характер, что позволяет не только выявить

концептуальную структуру метафор и специфику их вербализации в дискурсивных практиках политической деятельности, но и определить, каким образом они влияют на самосознание и политическую идентификацию массового реципиента относительно конкретных общественно-политических событий. Например, М. Петрика в своем исследовании, посвященном метафорике политического дискурса о членстве Мальты в Евросоюзе, подвергает анализу случаи метафорической персонификации данных государственных образований и приходит к выводу, что они наделяются определенными чертами характера (портрет государства), отражающими их историко-культурный портрет, а также характеризующими их политику в отношении обсуждаемого вопроса. Кроме того (здесь наблюдается некоторое сходство с результатами исследования А. Мусолффа [35]), Мальта и Евросоюз представлены в рассматриваемом дискурсе и как отдельные семьи, и как члены одной семьи [40].

Результаты, полученные в ходе подобных исследований, еще раз подтверждают тезис о важной роли метафоры как средства воздействия на процесс принятия решений и инструмента преодоления проблемных ситуаций в политическом дискурсе [3]. В настоящее время уже не вызывает сомнений положение о том, что метафора является важной составляющей частью культуры, к которой относятся социальные и политические институты [27, p. 2].

В российской политической метафорике довольно распространенным методом системного описания метафор (помимо выявления доменов-доноров и доменов-источников метафорических репрезентаций смыслов в политической коммуникации и определения их прагматического – суггестивного и персуазивного потенциала) является фреймовое представление метафорической экспансии в политических текстах с констатацией фрейма и составляющих его слотов. Причем исходной точкой исследования может быть как сфера-источник, так и область цели. Например, «театр» как сфера-источник метафорической экспансии в российском и американском политическом дискурсе и война в Югославии как ситуация-магнит в российском и американском политическом дискурсе [3; 16].

Однако при метафорическом моделировании некоторых событий глобального масштаба, находящихся свое отражение в политическом дискурсе (например, международный военный конфликт или экономический кризис), фреймовое описание не всегда оказывается адекватным, так как в нем сложно отразить динамику конкретного политического значимого явления. В этом случае более приемлемым подходом можно считать использование модели метафоры структуры события, разработанной Дж. Лакоффом [30] и нашедшей применение при описании событий на материале английского, русского, китайского, венгерского и других языков. Так, например, Л. М. Такумбетова, исследуя политический русскоязычный дискурс последних лет, актуализирующийся на фоне затяжной экономической рецессии, представляет данное глобальное явление через концептуальную метафору КРИЗИС – ДВИЖУЩИЙСЯ ОБЪЕКТ, опираясь на структурную матрицу концептуальной метафоры события Дж. Лакоффа [Ibidem] и обосновывая выбранную концептуальную модель тем, что мы обычно представляем событие в терминах движения [23]. Она также отмечает, что «такое явление, как глобальный экономический кризис, является областью цели метафорической экспансии, причем, поскольку кризис развивается в течение продолжительного времени и на значительном пространстве, это явление характеризуется динамикой, сложным компонентным составом и представляется значительным событием, затрагивающим различные аспекты жизни социумов» [13]. Различные аспекты структуры события, такие как состояния, изменения, процессы, действия, причины и способы, когнитивно характеризуются через метафору в терминах пространства, движения и силы [27, p. 204].

Как было отмечено, помимо когнитивной функции, метафора является еще и мощным инструментом воздействия и выполняет риторическую и аргументативную функцию в текстах политического дискурса. Особенно наглядно такое качество метафоры проявляется в иннаугурационных речах политиков и заявлениях относительно различных конфликтных ситуаций, возникающих в политическом взаимодействии говорящих субъектов как внутри государства, так и на международном уровне. Так, например, президент Ирана Махмуд Ахмадинежад в своих заявлениях о политике Израиля в отношении сектора Газа регулярно использует морбиальную метафору, репрезентируя Израиль как «злокачественную опухоль», которую необходимо удалить. Подобные заявления вызвали неоднократную критику в западных СМИ и комментариях западных политиков, которые полагают, что заявленная иранским лидером позиция является поводом для международной изоляции иранского режима [22].

Еще одно подтверждение релевантности концептуальной метафоры при формировании прагматики политического дискурса было доказано в сопоставительных исследованиях предвыборного дискурса на материале речей Барака Обамы и Митта Ромни в ходе предвыборной кампании 2012 года [10; 12] и специфики употребления концептуальных, конвенциональных и неконвенциональных метафор в текстах предвыборных кампаний в русскоязычном политическом дискурсе [9]. На основании полученных результатов авторы приходят к выводу, что интерпретация коммуникативных интенций продуцентов дискурса зависит от степени рекуррентности определенных концептуальных метафорических моделей, задействованных в речах политиков. Было выявлено, что политический дискурс агонален по своей природе, и поэтому в предвыборной полемике политиков и их обращениях к электорату преобладают пространственно-динамическая метафора, репрезентирующая политический курс, которого придерживается кандидат, в сочетании с военной и спортивной метафорами, посредством которых до аудитории доносится идея о решительности и самоотверженности той или иной политической силы в достижении намеченных целей, соревновательной природе политического взаимодействия между представителями различных партий и их преимуществе перед оппонентами, которое позволит им одержать победу [9; 12].

Не менее интересны результаты исследования политической метафоры в историческом дискурсе, рассматривающего метафоры, характерные для иных политических периодов (см. Кондратьева, 2003; Шадаева, 2004;

Чудакова, 2005; Пшенкин, 2006; Чудинов, 2003; Kövecses, 1994; Harris, 1998; Santa Ana, 1999, 2002; Berho, 2000; Refaie, 2001; Valk, 2001; O'Brien, 2003; Sofer, 2003; Hardy, 2003). В них не только подтверждается стабильность набора «архетипичных» метафор [39], характерных для языка политики и по сей день, но и ее статус как основного риторического «оружия» при выдвигании или обсуждении каких-либо политических идей и взглядов.

В качестве наглядного примера можно привести исторически признанный факт систематических экстремистских заявлений руководителей Третьего рейха в адрес евреев и других групп населения, не соответствующих их великому замыслу мироустройства. В результате практика подобной «неистовой риторики» запустила механизм дегуманизации еврейского населения в сознании граждан нацистской Германии, что впоследствии привело к геноциду евреев и других «неполноценных» представителей человеческой расы. Таким образом, ряд исследователей, занимающихся данной проблемой, утверждают, что метафорика нацистского или иного экстремистски ориентированного политического дискурса может формировать у аудитории такие политические взгляды, которые в дальнейшем угрожают развиваться в фашистские, ксенофобские или иные шовинистические тенденции в обществе, чреватые серьезными последствиями, вплоть до псевдолегитимации политики массового убийства [18; 36; 41].

В связи с этим особенно остро встает вопрос об этике политической коммуникации, одним из возможных решений которого является глубокий прагматический, семантический и психологический анализ политической риторики с привлечением обширной теоретической базы и адекватной методологии. Подобный подход к этой проблеме позволит вскрыть когнитивные механизмы, конвертирующиеся в экстремистские риторические пассажи, и выявить истинные коммуникативные интенции говорящих политических субъектов и привлечь их к ответственности за преступные заявления [34].

Следует также отметить, что политическая метафора, вне зависимости от концептуальной структуры и семантической дифференциации, несет в себе прагматическую нагрузку, за счет которой обеспечивается речевое воздействие на адресата с целью формирования у него либо положительного, либо отрицательного мнения о политике, политической партии или политическом событии. Соответственно, можно констатировать, что в политическом дискурсивном пространстве посредством метафоры реализуются две основные речевые стратегии: (1) стратегия дискредитации и (2) стратегия превознесения (или оправдания) [8]. Метафора является ключевым фактором, запускающим механизм воздействия, убеждения и аргументации в политическом дискурсе, она «рассматривается как беспроигрышное средство синергии эмоционального воздействия и убеждения, и этот ракурс актуализирует изначальную связь метафоры с политикой через область аргументации» [9, с. 159].

Представленный аналитический обзор позволяет сделать вывод о том, что метафорические модели политической коммуникации не теряют своей актуальности и продуктивности не только в аспекте порождения новых смыслов в процессе их вербализации, они продолжают оставаться также мощным инструментом коммуникативного воздействия в руках политиков и других продуцентов политического дискурса. Соответственно, метафора является одним из наиболее действенных инструментов политической коммуникации, поскольку она служит для декодирования разнообразных импликаций, свойственных речам политиков и аналитическим обзорам политических проблем в СМИ. Метафоры могут являться не только средством для создания и ключом для интерпретации политического контента, они выполняют также суггестивную и персуазивную функцию, формируя у адресата определенные ценностные ориентиры и социальные предпочтения, что в итоге способствует утверждению его политической идентичности.

Список литературы

1. Баранов А. Н. Метафорические модели как дискурсивные практики // Известия АН. Серия литературы и языка. 2004. Т. 63. № 1. С. 33-43.
2. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю. М.: Институт русского языка АН СССР, 1991. 193 с.
3. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафоры, которыми мы живём: преобразования прецедентного названия // Политическая лингвистика. 2007. Вып. 2 (22). С. 99-106.
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 138 с.
5. Кобозева И. М. Лексико-семантические заметки о метафоре в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2010. № 2 (32). С. 41-46.
6. Козырева Н. В. Метафора как оператор прагма-когнитивной модификации английского политического дискурса // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2013. № 4. С. 89-95.
7. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
8. Михалева О. Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: монография. Иркутск, 2005. 320 с.
9. Пескова Е. Н. Метафора как средство реализации интенций в политическом дискурсе (на материале текстов региональных предвыборных кампаний): дисс. ... к. филол. н. Челябинск, 2006. 171 с.
10. Пильгун Е. В. К вопросу об инаугурационном дискурсе [Электронный ресурс] // Практика преподавания иностранных языков на факультете международных отношений БГУ: электронный сборник. 2012. Вып. II. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/25787> (дата обращения: 15.06.2014).
11. Скребцова Т. Г. Современные исследования политической метафоры: три источника и три составные части // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2005. Вып. 1. С. 35-46.
12. Спицына Н. А., Медведева Е. А. Роль концептуальной метафоры в политическом дискурсе президента США Барака Обамы // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2012. № 1. С. 118-121.

13. **Такумбетова Л. М.** Концептуальная метафора „КРИЗИС – ДВИЖУЩИЙСЯ ОБЪЕКТ“ в российском политическом дискурсе [Электронный ресурс]. URL: http://www.academia.edu/3677598/%D0%9A%D0%9E%D0%9D%D0%A6%D0%95%D0%9F%D0%A2%D0%A3%D0%90%D0%9B%D0%AC%D0%9D%D0%90%D0%AF_%D0%9C%D0%95%D0%A2%D0%90%D0%A4%D0%9E%D0%A0%D0%90_%D0%9A%D0%A0%D0%98%D0%97%D0%98%D0%A1_%D0%94%D0%92%D0%98%D0%96%D0%A3%D0%A9%D0%98%D0%99%D0%A1%D0%AF_%D0%9E%D0%91%D0%AA%D0%95%D0%9A%D0%A2_%D0%92_%D0%A0%D0%9E%D0%A1%D0%A1%D0%98%D0%99%D0%A1%D0%9A%D0%9E%D0%9C_%D0%9F%D0%9E%D0%9B%D0%98%D0%A2%D0%98%D0%A7%D0%95%D0%A1%D0%9A%D0%9E%D0%9C_%D0%94%D0%98%D0%A1%D0%9A%D0%A3%D0%A0%D0%A1%D0%95 (дата обращения: 02.07.2014).
14. **Чудинов А. П.** Политическая лингвистика: учеб. пособие. Изд-е 4-е. М.: Флинта; Наука, 2012. 265 с.
15. **Чудинов А. П.** Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. Екатеринбург, 2001. 238 с.
16. **Чудинов А. П.** Спортивная метафора в современном российском политическом дискурсе [Электронный ресурс]. URL: <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=124792> (дата обращения: 19.05.2014).
17. **Ash T. G.** Who Rules Europe? // *The Guardian*. 2004. 19 February.
18. **Bosmajian H. J.** The Language of Oppression. University Press of America, Inc., 1983. 164 p.
19. **Cibulskiene J.** The Metaphorization of Elections as War in the 2001 General Election Campaign of Great Britain // *Respectus Philologicus*. 2002. № 2 (7). P. 102-116.
20. **De Landtsheer Ch.** Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach // *Communication and Cognition*. 1991. Vol. 24. № 3/4. P. 299-342.
21. **Edelman M.** Politics as Symbolic Action: Mass Arousal and Quiescence. Chicago: Markham, 1971. 188 p.
22. **Fathi N., Slackman M.** Iranian's Oratory Reflects Devotion to '79 Revolution // *The New York Times*. 2005. 9 December.
23. **Fauconnier G.** Encyclopedia of Cognitive Science [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cogsci.ucsd.edu/~faucon/BEIJING/cogling.pdf> (дата обращения: 23.05.2014).
24. **Graber D.** Political Communication: Scope, Progress, Promise // *Political Science: The State of the Discipline*. 1993. Vol. 2. P. 305-332.
25. **Kelly-Holmes H., O'Regan V.** "The Spoilt Children of Europe". German Press Coverage of the Nice Treaty Referenda in Ireland // *Journal of Language and Politics*. 2004. Vol. 3. № 1. P. 81-116.
26. **Kiklewicz A., Prusak M.** Pragmatyczne aspekty teorii metafor pojęciowych (przy szczególnym uwzględnieniu metaphor politycznych w polskich tekstach prasowych) // *Respectus Philologicus*. 2006. № 9 (14). P. 20-30.
27. **Kövecses Z.** *Metaphor in Culture: Universality and Variation*. Cambridge University Press, 2005. 314 p.
28. **Koller V.** "A Shotgun Wedding": Co-occurrence of War and Marriage Metaphors in Mergers and Acquisitions Discourse // *Metaphor and Symbol*. 2002. Vol. 17. № 3. P. 179-203.
29. **Koller V.** Businesswomen and War Metaphors: „Possessive, Jealous and Pugnacious“? // *Journal of Sociolinguistics*. 2004. Vol. 8. № 1. P. 3-22.
30. **Lakoff G.** *Conceptual Metaphor* // *Cognitive Linguistics: Basic Readings*. Berlin – N. Y.: Mouton de Gruyter, 2006. P. 185-238.
31. **Lakoff G.** Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf // *Engulfed in War: Just War and the Persian Gulf*. Honolulu, 1991. P. 43-59.
32. **Lakoff G., Johnson M.** *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 2003. 256 p.
33. **Lasswell H. D.** *The Language of Power* // *Language of Politics: Studies in Quantitative Semantics*. N. Y., 1949. P. 20-39.
34. **Müller R.** Creative Metaphors in Political Discourse. Theoretical Considerations on the Basis of Swiss Speeches [Электронный ресурс]. URL: www.metaphorik.de/09/mueller.pdf (дата обращения: 15.07.2014).
35. **Musolff A.** Metaphor Scenarios in Public Discourse // *Metaphor and Symbol*. 2006. Vol. 21. № 1. P. 23-38.
36. **Musolff A.** What Role Do Metaphors Play in Racial Prejudice? The Function of Antisemitic Imagery in Hitler's "Mein Kampf" // *Patterns of Prejudice*. 2007. Vol. 41. № 1. P. 21-44.
37. **Oberhuber F., Bärenreuter C., Krzyzanowski M., Schönbauer H., Wodak R.** Debating the European Constitution: On Representations of Europe / the EU in the Press // *Journal of Language and Politics*. 2005. Vol. 4. № 2. P. 227-272.
38. **Orwell G.** *Politics and the English Language* // *The Collected Essays, Journalism and Letters of George Orwell*. In Front of Your Nose: 1945-1950 / ed. by Sonia Orwell, Ian Angus. L., 1968. Vol. 4. P. 127-140.
39. **Osborn M.** Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family // *Quarterly Journal of Speech*. 1967. Vol. 53. P. 115-126.
40. **Petrica M.** *Cognitive Metaphors in Political Discourse in Malta and the Case of EU-Membership Debate*. München: Ludwig-Maximilians-Universität, 2014. 239 p.
41. **Rash F.** *The Language of Violence: Adolf Hitler's Mein Kampf*. Peter Lang, 2006. 263 p.
42. **Silaški N., Durović T.** Framing Politics – Metaphors in Serbian Political Discourse // *SCLC-2009 Book of Abstracts*. Prague: Charles University, 2009. P. 117-118.
43. **Urbonaitė J., Šeškauskienė I.** HEALTH Metaphor in Political and Economic Discourse: a Cross-Linguistic Analysis // *Studies about Languages*. 2007. № 11. P. 68-73.
44. **Wei J. M.** *Virtual Missiles: Allusions and Metaphors Used in Taiwanese Political Discourse*. Lanham, 2001. 144 p.
45. **Zinken J.** Metaphoric Practices in the German Wende Discourse // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2004. Vol. 25. № 5/6. P. 424-436.

POLITICAL METAPHOR: COGNITIVE AND PRAGMATIC ASPECTS

Saif Abdulla Saif Abdulla
Pyatigorsk State Linguistic University
 abdulla_saif@mail.ru

The article touches on the role of metaphor in the modern political discourse: explicates and describes the cognitive mechanisms, pragmatic specifics and persuasive potential of a political metaphors. The author concludes that metaphorical models of political communication are not only conceptual patterns to generate new meanings objectifying in the language and speech but are actively used by the political discourse producers as an instrument for influencing the audience.

Key words and phrases: political discourse; conceptual metaphor; political discourse metaphors; pragmatics of political discourse; communicative influence; metaphorical models of political communication.